Каждая татарская семья, проживающая в Петербурге, имеет свою историю и предания, передаваемые из уст в уста. Оговоримся сразу же, черемишевцев в Питере было очень много, рассказать обо всех уже нет возможности. Наши предки доблестно воевали на всех фронтах, самоотверженно работали в тылу и, несмотря ни на что, свято любили свою Родину.

Они не считали себя героями, хотя с позиции современности, таковыми были. К сожалению, в настоящее время все чаще и чаще мы начинаем осознавать, что очень многое ушло с перешедшими в мир иной представителями старших поколений. Мы не спросили, а они промолчали... Прежде чем перейти к рассказу о жизненных перипетиях периода военного времени родственников автора этих строк, начнем с предыстории, без которой невозможно понять то время и силу духа тех людей.

Нужно сказать, что из публикации в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков» известно, что в 1640 г. служилые татары с семьями из Темникова были направлены на строительство крепости Саранск. Им выделили земли и уже в 1828 г. пензенский губернатор доложил в Петербург, что в татарских селениях Саранского уезда мечети сооружаются посреди улиц самопроизвольно и приумножаются. Не будем этому удивляться. Дело в том, что часть территории современной Мордовии тогда входила в состав Пензенской губернии и проживающие ныне в Мордовии татары с точки зрения этнографов считаются пензенскими. В качестве самоназвания эти татары еще несколько десятилетий назад употребляли слово «пензяк».

Из воспоминаний своей бабушки автор этих строк знает, что сто лет назад в Черемишеве было 700 дворов и 7 мечетей. При каждой мечети тогда существовали двухгодичные школы, мальчиков учил мулла, а девочек – абыстай, жена имама. Дети учились после окончания осенних уборочных работ и до начала весенних посевных. Общинные земли не могли прокормить всех, и поэтому отхожий промысел был уделом многих татарских крестьян. На зиму на заработки они уезжали в основном в Питер. Думается, это было не случайно, и не на пустое место они ехали. С петровского времени татары несли рекрутскую повинность, и некоторые из них, отслужив, оставались. Например, в островной крепости Кронштадт близ Петербурга в начале XIX в. жили и трудились 7 отставных от службы солдат, а в начале XX в. таких было более четырехсот и работали они в мастерских, в портах, занимались извозом и мелкой торговлей. В 1803 г. имамом Кронштадта был утвержден солдат Базеев. По наблюдениям автора фамилия Базеевы (Бази халкы) встречалась раньше только в Черемишеве, поэтому есть основание

предполагать, что этот человек мог быть оттуда родом.
В Петербурге численность татар неуклонно росла. Если в 1897 г. татар было около 5 тысяч и среди них были чиновники и офицеры, студенты, купцы и мелкие торговцы, фабрично-заводские рабочие и ремесленники, конюхи и официанты, то по переписи в 1939 г. их было 31,5 тысяч человек. Этому есть объяснение: сначала засуха и голод в Поволжье способствовали огромному притоку беженцев, именно тогда татары стали работать дворниками, которым предоставлялось жилье в обслуживаемом доме, потом политика большевиков по отношению к крестьянству заставила многих уехать из деревни. Наконец, когда потребовались рабочие руки для решения поставленной задачи — скорейшей электрификации и индустриализации страны, татарская молодежь с энтузиазмом трудилась на многочисленных стройках, заводах и фабриках, жила в общежитиях. Люди верили в собственные силы, стремились как можно быстрее построить самое справедливое государство на свете и создать единую общность людей – советский народ. Они, как и другие нацменьшинства, охотно «переделывали» свои татарские имена на близкие по звучанию к русским, привычным для абсолютного большинства окружающих. Поэтому городских татар можно было условно разделить на «старых» и «новых». Вновь прибывшие очень слабо владели русским языком, им только предстояло интегрироваться в жизнь общества, в котором достаточно свободно чувствовали себя старожилы.

До революции в Петербурге обосновались пензяки Арибджан Асабин и Муса Бигеев. Пришло время, и Асабин стал пассивным участником революционных событий, в эпицентре которых находился Бигеев. Сначала многие мужчины из Черемишева приезжали в Питер зимой в поисках временной работы, чтобы к весенним посевным вернуться. Асабин занимался гужевым извозом (грузовыми перевозками) и до какого-то времени оставался среди односельчан единственным человеком, владевшим русским языком. Потом он стал кучером у немца-хозяина Тентелевского химического завода (ныне завод «Красный химик») и способствовал трудоустройству на завод своих земляков.Немного забегая вперед скажем, что в конце 1920-х гг. на этом и других близлежащих предприятиях трудились многие его односельчане.
Муса Бигеев, уроженец села Кикино Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Каменский район Пензенской области) был очень популярной в татарской среде личностью, одним из лидеров прогрессивного движения среди мусульман, вольнослушателем юридического факультета Императорского Петербургского университета, сотрудником газеты «Ульфат», совладельцем издательства и типографии «Аманат», автором перевода Корана на татарский язык и целого ряда публицистических и богословских произведений по истории ислама, хадисоведению, исламскому праву. В июне 1917 г. Временное правительство по рекомендации Исполнительного комитета мусульманского совета утвердило М. Бигеева ахуном 1-го мусульманского прихода Петрограда, и до своего ареста в октябре 1923 г. и

последующей высылки он был муллой в Соборной мечети.
Из деревень в 1920-е гг. татары уезжали большими семьями, с братьями и сестрами, с зятьями и невестками и прочей родней. Работу в городе и гарантированный паек получали все. В числе прибывших в поисках работы из Черемишева в 1925 г. был Абдулла Базеев. Здесь уже жили и его старший брат Файсхан и семья Арибджана Асабина. Жизнь у людей налаживалась. Трое младших сыновей Арибджана Бурхан, Казым, Саид в конце 1930-х гг. играли в ансамбле гусляров при клубе «Ленинский путь» профсоюза рабочих минеральных удобрений и содовых продуктов, а их отец построил дом в поселке Мариенбург, в 50 км от Ленинграда рядом с Гатчинским парком и бывшей резиденцией российских императоров. Земляки-односельчане крепко держались друг друга, большими артелями жили и работали на ближайших заводах. Базеев поступил на работу в бригаду землекопов на судостроительный завод № 190 «Путиловская (позже Северная) верфь» (с 1938 по 1988 гг. Ленинградский судостроительный завод им. А.А.Жданова, ныне ОАО «Северная верфь»). Кем только потом не пришлось работать этому деревенскому парню: сторожем, чернорабочим, смазчиком, медником, шорником, слесарем, слесарем-ремонтником. Все эти специальности отражены в его трудовой книжке с общим трудовым стажем в сорок семь лет на одном предприятии. Видимо, Абдулла был хорошим шорником, раз его не призвали на фронт и оставили работать на заводе, как тогда говорили, по брони. В те годы шорники на предприятиях занимались изготовлением и ремонтом кожаных приводных ремней для станков и транспортерных лент. Абдулла не был человеком разговорчивым и всегда отмахивался от вопросов, приговаривая: «Да, тяжело жили, что об этом вспоминать?» Родители его рано женили, выбрав невесту Разыю Ягудину на свое усмотрение, и он подался на заработки в Питер. Здоровье у молодой жены было слабым. Она умерла, оставив мужу полуторагодовалого сына. Дочь Арибджана Асабина Абдулле очень нравилась. В Питере он нашел нужные слова, склонил будущего тестя на свою сторону, и вернувшись в деревню, отец объявил дочери о скорой свадьбе. Поженились они зимой 1927 г. и приехали в Ленинград.

Альмира Тагирджанова,
краевед, Санкт-Петербург

(Продолжение в следующем номере)